

удовлетворять основному требованию понятия синонима — равнозначности.

Следует отметить, что в практическом анализе сибирского материала А. И. Федоров сам нарушает свои теоретические установки и приближается к традиционному пониманию фразеологической синонимии. От этого диалектная фразеология только выигрывает, ибо именно отказ от принципа сигнификативной тождественности фразеологических синонимов приводит автора к конструированию полных синонимических рядов, элементы которых отличаются и внутренней формой, и экспрессивной тональностью и структурой. Ср., например, ряд «говорить вадор, пустословить, попусту болтать»: *ватлать языком; веревки скать (вить); колоколить без пути; лясалки точить; лясать (брякать, трелькать) языком; трепать языком как боталом; околосоцу плести; плести несвойску; разговоры размузыкивать; огород городить; собирать (молотить, нести, болтать, боронить, плести) вокруг головы да в пазуху; болтки болтать; бузу пороть* (с. 138).

К методологическим недочетам рецензируемой работы относится также явная переоценка сибирской специфики анализируемых ФЕ в лингвогеографической проекции: «Сибирский крестьянин, таежный охотник, рыбак и т. п. обладают другой системой слуховых и зрительных представлений по сравнению с жителями крупных городов и населенных пунктов Европейской России. А это должно найти свое отражение в семантике диалектных значимых единиц» (с. 10). Естественно, что определенная диалектная специфика в отражении действительности в речи сибиряков имеется. Однако придавать ей статус «другой системы слуховых и зрительных представлений», как нам кажется, ошибочно: это в основном та же система общерусской народной речи.

В книге же к чисто сибирским диалектизмам относятся многие обороты, которые широко известны и за пределами сибирского ареала: *катить бочку на кого-нибудь* (с. 13); *ни с виру, ни с болота* (с. 14); *ботало осиновое* (с. 17); *прожить век за холщовый мет* (с. 162); *по-за лопилони* (с. 162); *на кулак слезы мотать* (с. 163) и др. Показательно, что для некоторых из перечисленных диалектных ФЕ «несибирский» ареальный статус беспорочно доказан. Так, ФЕ *ни с виру, ни с болота* не только ареально описывается, но и этимологически интерпретируется

Л. А. Ивашко: эта ФЕ зафиксирована по ее материалам, в псковских, смоленских говорах и в белорусском языке [7]. Видимо, переоценка А. И. Федоровым узкосибирской специфики описанного материала обусловлена тем, что в его монографии ареальный и лингвогеографический аспект изучения диалектной фразеологии не получил освещения. Этот аспект пока вообще, к сожалению, остается наименее разработанным. При этом именно ареальный подход к диалектной фразеологии поможет решить многие вопросы сравнительно-исторического изучения фразеологических систем разных языков.

В книге А. И. Федорова, естественно, не могли найти отражения все возможные аспекты исследования диалектной фразеологии Сибири. Те же аспекты, которые связаны с основными особенностями ФЕ, — и притом всего семантическая специфика этих единиц, — получили здесь всестороннее освещение. Эта книга, насыщенная свежим материалом и полемически заостренными идеями, не только подводит некоторые итоги исследования диалектной фразеологии в нашей стране, но и открывает новые перспективы ее изучения.

Мокиенко В. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларин Б. А. О народной фразеологии. — В кн.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977, с. 149.
2. Прокошева К. П. Материалы для фразеологического словаря говоров северного Прикамья. Пермь, 1972.
3. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Сост. Бухарева Н. Т., Федоров А. И. Под ред. Филина Ф. П. Новосибирск, 1972.
4. Вопросы фразеологии. Вып. VI. Самарканд, 1972.
5. Евгеньева А. П. Основные вопросы лексической синонимии. — В кн.: Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М. — Л., 1966, с. 29.
6. Мокиенко В. М. — ВЯ, 1980, № 4. — Рец. на кн.: Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М.: Наука, 1979, 336 с.
7. Ивашко Л. А. Заметки по диалектной фразеологии. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1969, с. 257.

Булахов М. Г. Евфимий Федорович Карский. Жизнь, научная и общественная деятельность. — Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1981. 272 с.

В январе 1981 г. научная общественность широко отмечала 120-летие со дня рождения выдающегося ученого, филолога-слависта акад. Евфимия Федоровича Карского. Многие журналы поместили статьи о жизни и деятельности Е. Ф. Карского, в Минске состоялось торжественное

юбилейное заседание Отделения общественных наук АН БССР, на котором были заслушаны доклады о жизни и творчестве, о значении наследия ученого. К этой же дате приурочена и книга М. Г. Булахова.

Небольшая по формату, тщательно и

любвию оформленная, книга предназначена для широкого круга читателей, по в первую очередь для лингвистов, филологов, славистов широкого профиля.

Предваряет книгу слово «К читателям» акад. В. И. Борковского, в котором, в частности, говорится: «В книге М. Г. Булахова читатель найдет высокую и в то же время объективную оценку всего того, что сделано академиком Е. Ф. Карским, ученым исключительного таланта и поразительной трудоспособности».

Автор ставит целью познакомить читателей с важнейшими этапами творческого пути Е. Ф. Карского, показать, как формировалась концепция ученого, какое значение имели его исследования в области славяноведения вообще и белорусистики в частности.

Вся жизнь этого необыкновенного человека — самоотверженный труд, и глава «Жизненный путь Е. Ф. Карского» знакомит с основными вехами научной, педагогической, организаторской, редакторской, общественной деятельности ученого. Сын учителя, получив начальное образование в Ятрапском народном училище Новогрудского уезда, среднее — в Минской семинарии, высшее — в Нежинском историко-филологическом институте (1881—1885 гг.), Карский уже в студенческие годы проявил незаурядные способности и склонность к научной работе, что поддерживали и чему в большой степени способствовали институтские учителя-филологи — известный русский языковед проф. Р. Ф. Брандт и историк древнерусской литературы проф. М. И. Соголов.

Первые научные работы Карского опубликованы в годы студенчества, и уже тогда он проявляет интерес к фольклору, публикует записи белорусских песен и приступает к исследованию белорусского языка, итогом которого явилась книга «Обзор звуков и форм белорусской речи» (М., 1886).

В течение 1885—1893 гг. Е. Ф. Карский преподает русский и старославянский языки, а также русскую литературу во второй Виленской гимназии, в эти годы он подготовил учебное пособие «Грамматика древнего церковнославянского языка сравнительно с русским» (Вильно, 1888), которое выдержало 19 изданий.

В 1891 г. Карский успешно сдал магистерский экзамен на историко-филологическом факультете Варшавского университета, а в 1893 г. был назначен преподавателем русского языка в этом учебном заведении. Он продолжает работу над изучением белорусского языка и издает исследование «К истории звуков и форм белорусской речи» (РФВ, 1890—1893). За научные труды совет Киевского университета в 1893 г. присудил ему ученую степень магистра русского языка и словесности. В этот же год Карский был назначен преподавателем, а затем доцентом кафедры церковнославянского и русского языка историко-филологического факультета. В 1896 г. за подготовку и издание «Западно-русских переводов псалтыри в XV—XVII веках» совет Московского университета присудил Карскому степень доктора филологии. С 1897 г.

Карский — ординарный проф. Варшавского университета. В 1898 г. он избран чл.-корр. Общества любителей древней письменности.

В последующие годы разносторонние научные интересы и занятия Карского — изучение письменных источников, история славянских языков и палеографии, неослабевающее внимание уделяет он изучению народных говоров, проверяя точность прежних этнографических и филологических записей, собирая материалы по фонетике, грамматическому строю и словарному составу белорусских говоров, а в 1899 г. произносит блестящую речь «О влиянии поэтической деятельности А. С. Пушкина на развитие русского литературного языка» на торжественном акте Варшавского университета.

В 1901 г. Е. Ф. Карский был избран чл.-корр. по Отделению русского языка и словесности Российской Академии наук; с 1905 г. назначен редактором крупнейшего филологического органа — журнала «Русский филологический вестник», с 1905 по 1910 гг. — он выборный ректор Варшавского университета.

Результатом огромной работы в диалектологических экспедициях, изучения истории, этнографии, устного народного творчества и литературного творчества белорусов, глубокого анализа языковых явлений стал фундаментальный многотомный труд «Белорусы» (I т. — Варшава, 1903 г.; 1-я 2-я, 3-я части II тома соответственно в 1906 г., 1911 г., 1912 г.; т. III — М., 1916 г.). Это исследование — крупнейшее научное событие в отечественной филологии первой четверти XX в. Признанием заслуг ученого явилось избрание его в 1916 г. ординарным академиком Российской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. Вскоре после этого Карский переехал в Петроград.

Последний период жизни ученого насыщен разносторонней деятельностью. «Он был членом Правления и Президиума Академии наук, директором Музея антропологии и этнографии, председателем Словарной комиссии, Комиссии по русскому языку, членом комиссии „Наука и научные работники“, редактором журналов „Известия ОРЯС“, „Известия по РЯС“ Академии наук, членом Редакционно-издательского совета, сотрудником Научно-исследовательского института при Петроградском-Ленинградском университете, профессором филологического факультета этого университета, председателем комиссии по открытию в Минске Белорусского государственного университета. В советский период Карский много сделал для установления научных связей с зарубежными учеными-славистами». И наряду со всеми этими обязанностями и занятиями Карский не прерывал плодотворной научно-исследовательской работы, публикуя оригинальные исследования и статьи по вопросам филологии.

В 1925 г. Е. Ф. Карский был избран почетным членом Общества любителей российской словесности, в 1927 г. — почетным членом Общества письменности

и искусства в Ленинграде, в 1929 г. — членом (академиком) Чешской академии наук. 29 апреля 1931 г. Евфимий Федорович скончался.

Вот лишь пунктиром намеченные вехи, даты жизни, за которыми — самоотверженный труд, благородная преданность и любовь к науке, честность и принципиальность в решении научных проблем, неуклонный рост ученого, преданность своему народу. Все это удалось показать М. Г. Булахову в книге о выдающемся филологе-слависте.

В небольшой по объему рецензии трудно отметить и осветить столь полно, как это сделано в книге, заслуги Е. Ф. Карского в различных областях филологической науки.

В главе «Е. Ф. Карский как языковед-славист» отмечается, что Карский занимался как традиционными вопросами славяноведения, так и совершенно новыми аспектами этой комплексной науки. При этом он изучал старославянские письменные памятники в лингвистическом и палеографическом отношении, и среди них, например, «Надпись Самуила 993 г.»; «Листы Ундольского, отрывок кирилловского евангелия XI века...»; «Мстиславово евангелие»; создал учебное пособие, в котором факты старославянского языка сопоставляются с определенными явлениями древнерусского и современного русского языка («Грамматика древнего церковнославянского языка сравнительно с русским»); специальные работы посвятил исследованию отдельных грамматических явлений; постоянно вел критико-библиографическое обозрение славистических трудов.

В главе «Е. Ф. Карский как славист-палеограф» дана характеристика трудов и оценка вклада Карского в развитие палеографии. Исследованиями в этой области Евфимий Федорович занимался с 90-х гг. XIX в. до конца 20-х гг. нашего века, решая как частные вопросы этой науки, так и общие проблемы развития славянской письменности, истории славянских языков и литератур. Важным этапом работы Карского в области палеографии явился выход в свет монографии «Очерк славянской кирилловской палеографии...» (Варшава, 1901), отвечавшей и научным и учебным целям, превосходившей все ранее вышедшие пособия и труды по палеографическим проблемам. В этот же период выходит работа Е. Ф. Карского «Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII век» (Варшава, 1901, 2-е изд. — 1902). Актуальность работ Карского в области палеографии сохранилась и до нашего времени; в 1979 г. была переиздана «Славянская кирилловская палеография» (1-е изд. — Л., 1928), сразу же ставшая библиографической редкостью.

В главе «Исследования Е. Ф. Карского по русскому языку» подчеркивается, что на протяжении всей жизни ученого русский язык был предметом преподавания и предметом всестороннего научного изучения, а частности, и со стороны истории русской лексики, и мор-

фологии, и исторической ономастики и т. д. Книга «История русского языка. Лекции, читанные в 1912/13 акад. году студентам имп. Варшавского университета...» (Варшава, 1913 г.) явилась систематизированным изложением исторической фонетики и грамматики русского языка.

Наблюдения, анализ фактов и выводы в области исторического синтаксиса русского языка, представленные в ряде работ Карского, широко используются и современными исследователями исторического синтаксиса русского языка и сравнительно-исторического синтаксиса восточнославянских языков.

Велика заслуга Карского в том, что он один из первых заинтересовался языком Пушкина и подошел к решению важных проблем пушкиноведения; изучал язык и стиль, синтаксический строй произведений Н. В. Гоголя; дал анализ новаторской деятельности М. В. Ломоносова, что нашло отражение в речи «Значение М. В. Ломоносова в развитии русского литературного языка» (1911 г., опубликовано в Варшаве в 1912 г.). Много времени и сил отдал Е. Ф. Карский изучению диалектов русского языка и проблем диалектологии. Наиболее крупный труд его в этой области — «Русская диалектология. Очерк литературного русского произношения и народной речи великорусской (южновеликорусских и северновеликорусских говоров), белорусской и малорусской (украинского языка)» (Л., 1924). Ценным вкладом в историю науки о русском языке явились работы Карского о лингвистической деятельности ученых и научных коллективов, и среди них «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР» (Сб. ОЛЯС, 101, № 1. Л., 1926).

В главе «Вопросы украинского языкознания в трудах Е. Ф. Карского» отмечается, что вопросы украинистики занимали важное место в общей лингвистической концепции ученого. Карский исследует малоизученные письменные памятники, освещающие историю украинского языка (например, «Малорусский Луцидарий по рукописи XVII в. Текст, состав памятника и язык», Варшава, 1905); анализирует отдельные явления фонетики, лексики, грамматики украинских говоров, соседних с белорусскими и русскими; изучает историческое взаимодействие восточнославянских языков и взаимоотношения их в настоящее время.

Последняя самая большая глава «Е. Ф. Карский — основатель белорусского языкознания» посвящена характеристике ценнейшего наследия ученого по белорусистике. Справедлива оценка М. Г. Булахова, отметившего, что Карскому «выпала завидная доля основателя всех отраслей белорусской филологии, в том числе и белорусского языкознания нового времени. Е. Ф. Карскому принадлежит огромная заслуга в изучении как старобелорусского языка, так и современного белорусского народного языка во всем многообразии его говоров» (с. 171).

В книге М. Г. Булахова дан список литературы об акад. Е. Ф. Карском и биб-

лиогграфия основных его филологических трудов.

М. Г. Булахов проделал огромную работу по изучению и осмыслению наследия Карского. Он сумел в четкой и сжатой форме изложить основные принципы и положения ученого, показать неуывающую силу и актуальность его трудов, столь богатых тщательно отобранном достоверном фактографическом материалом, принципиальную позицию ученого, и, что особенно хочется подчеркнуть, дать оценку творчества Е. Ф. Карского с позиций современной науки. М. Г. Булахов нашел формы и стиль из-

ложения, благодаря которым даже сложные и специальные вопросы становятся понятны любому заинтересованному читателю.

Книга написана с большим уважением к титаническому труду ученого, с гордостью за славного сына белорусского народа. Хочется от души поблагодарить ее автора — М. Г. Булахова, — который так много уже сделал и продолжает успешно трудиться в области истории науки.

Морозова С. Е.

Eckert R. Untersuchungen zur historischen Phraseologie und Lexikologie des Slawischen und Baltischen, (Systemfragmente aus der Terminologie der Waldimkerei). — Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR, 1981. 159 S. (Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte 81).

Можно с полной уверенностью сказать, что эта сравнительно небольшая монография вызовет живой интерес со стороны всех славистов, балтистов и индоевропеистов, работающих в области исторической лексикологии. Для этого достаточно оснований. Прежде всего, очень притягателен объект исследования — бортническая терминология, т. е. древнейший лексический пласт, связанный с одной из самых ранних отраслей хозяйственной деятельности. Априори очевидна вероятность обнаружения здесь архаизмов различных уровней, и автор базирует свою работу на их анализе. Он ведет параллельно на славянском и балтийском материале, и это еще один важный аспект исследования — привлечение архаичной бортнической терминологии к освещению балто-славянской проблематики. Далее, в центре внимания находятся фразеологизмы, так что предметом анализа являются собственно соотносительные архаичные минимальные тексты в славянских и балтийских языках, и на этом материале освещаются теоретические вопросы балто-славянской фразеологии. Наконец, интерес к работе возрастает в связи с тем, что ее автор хорошо известен глубокими и разносторонними исследованиями по истории славянских и балтийских языков, и настоящая монография представляет собою их закономерное продолжение и развитие.

Непосредственным объектом изучения являются две группы балто-славянских соответствий в бортнической терминологии: 1) термины, содержащие глагол со значением «лезть»: слав. **laziti*, литов. *kópti*, лтш. *kápti* в качестве структурного компонента (т. е. фразеологизмы типа слав. **laziti medь* «вынимать мед», литов. *kópti medь* «кто же») или образованные от этого глагола (типа слав. **lazьba* «выемка меда», лтш. *karšana* «то же»); 2) термины, содержащие глагол гнезда и. -е. **dъē-* (лтш. *dēi*, слав. **dēti*) или его производные в качестве струк-

турного компонента (фразеологизмы типа польск. *dziać barć* «устанавливать борть», лтш. *dēt dori* «то же») или являющиеся производными от основы этого глагола (типа слав. **děly* «борть», лтш. *dėjēys* «кто выдабливает борть, улей»). Ограничение объекта исследования этими двумя группами восполняется чрезвычайной тщательностью, с которой собран и проанализирован соответствующий материал. Р. Эккерт использовал диалектные, исторические, этнографические, фольклорные источники, так что работа демонстрирует почти исчерпывающий материал, дополнения к которому могут быть лишь единичными и не принципиальными (например, нелишним было бы в работе польск. *rozdiawać bory bartne* «увеличивать количество бортей на лесной делянке» [1], которое является производным от типа «aushölen» + «Baum», предположенного польским *dziać drzewo*, см. с. 119, но могло бы быть использовано как пример особой, хотя и поздней, конструкции). Полнота материала явилась надежным основанием для включения в рассматриваемые этимологические гнезда некоторых лексем, ранее от них отделявшихся (например, польск. *leżać*, русск. диал. *лежся*, белорусск. диал. *лежся*, *лежая* «приспособление для подъема бортника на дерево», истолкованные как производные от **lēzti*, **laziti*, см. с. 48—49 работы), а также для подтверждения уже известных этимологических гипотез (например, о принадлежности к гнезду **laziti* русск. *лазбень* «кадушка», с. 44—45; о вхождении группы лужицких лексем с корнем **dēd-*, типа н.-луж. *džēdzica* «сосна с бортью», в.-луж. *džēdžic* «вынимать мед», в гнездо праслав. **dēti*, что подтверждается обнаружением близкого соответствия с корнем **dēd-* в балтийских языках — лтш. *dēdināt* «выдабливать борть», с. 94—101). Фронтальный обзор материала позволил также уточнить значения отдельных образований (см. о русск. *улазый мед*, с. 15—16; о польск. *łaźbień*, с. 43—44). Однако